

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 2

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7627035

Аннотация

«Граф Сергей Юльевич Витте, в ряду немногих наших выдающихся государственных деятелей, занимает бесспорно наиболее видное место. С его именем неразрывно связана крупнейшая реформа нашего денежного обращения и коренное преобразование государственного бюджета, быстро создавшее России возможность стать равноправным членом международного хозяйственного оборота. Решающая роль, принадлежащая гр. Витте в этих сложных вопросах государственной экономической жизни, тем сильнее привлекает к себе внимание, что, казалось, он отнюдь не был подготовлен к ней...»

Содержание

Вступительные замечания	4
Предисловие	29
Глава первая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 2

Вступительные замечания

Граф Сергей Юльевич Витте, в ряду немногих наших выдающихся государственных деятелей, занимает бесспорно наиболее видное место. С его именем неразрывно связана крупнейшая реформа нашего денежного обращения и коренное преобразование государственного бюджета, быстро создавшее России возможность стать равноправным членом международного хозяйственного оборота. Решающая роль, принадлежащая гр. Витте в этих сложных вопросах государственной экономической жизни, тем сильнее привлекает к себе внимание, что, казалось, он отнюдь не был подготовлен к ней. Математик по образованию, он, по его собственным признаниям, самоучкой познакомился с политической экономией и финансовой наукой и не имел определенной, продуманной программы. В начале девяностых годов он являлся решительным сторонником крестьянской общины, а впоследствии стал столь же непримиримым противником и на этом вопросе несколько раз терпел фиаско в своей карьере в борьбе с И. Л. Горемыкиным. Известный профессор Постников, как уверяет гр. Витте, преподавал ему, что вопрос о це-

не и ценности пустяки и что теория спроса и предложения есть просто выдумка людская. Этим людским выдумкам он противопоставляет реальность: «то, что прежде всего требуется для „государственного банкира“, это – способность схватывать финансовые настроения.»

Неудивительно поэтому, что тотчас после смерти гр. Витте вокруг его имени возгорелся страстный спор, был ли он действительно великим человеком (его сравнивали с Петром Великим) или же, как утверждали другие, ему просто посчастливилось вложиться своей личностью в великие исторические события.

Само собой разумеется, что если бы я соблазнился, на основании многолетнего личного знакомства, с своей стороны предложить характеристику личности гр. Витте, то она дала бы лишь новый мотив для этого спора, ибо точно также не могла бы претендовать на объективность. Многие возводят ведь переживаемые Россией трагические события к его деятельности, а он, в свою очередь, неоднократно говорит в мемуарах, что Россия идет навстречу катастрофе, потому что его программа не была осуществлена.

Но вполне объективно можно установить тот факт, что с самого начала своей государственной карьеры гр. Витте обращал на себя внимание своими исключительными природными дарованиями. Далекое не всегда можно сказать, что не место красить человека, а человек место. Но в применении к гр. Витте это было именно так. Какое бы место он ни за-

нимал, он делал его заметным и всюду оставлял яркий след своей деятельностью и неутомимой инициативы. В его карьере поэтому не было ничего случайного, он неуклонно возвышался, должен был раньше или позже дойти до поста министра. Если взять для сравнения другую крупную фигуру – П. А. Столыпина, которому в мемуарах гр. Витте отводится больше всего неприязненного внимания, то столь же объективно можно отметить противоположное. До назначения министром Столыпин имел репутацию крайне ограниченного, заурядного чиновника, двигавшегося по служебной лестнице с помощью протекции, и назначение его министром произошло вполне случайно. Он вырос неожиданно в совершенно исключительной обстановке.

Как ни велики однако были личные качества гр. Витте, обстановка, которую он застал, тоже оказалась весьма благоприятной для применения его данных.

Как известно, эпохой реформ, даже великих реформ, установлено считать царствование Александра II. Действительно, преобразовательная деятельность достигла тогда высокого напряжения. Крепостное право держало Россию в состоянии натурального хозяйства и отделяло ее непроницаемой стеной от запада. Освобождение крестьян, переход к наемному труду, разрушавший эту стену, в свою очередь властно требовал изменения всего уклада государственной жизни – правильного суда, земского и городского самоуправления. Но все эти реформы не отличались творческим созиданием.

тельным началом, они лишь устраняли препятствия, мешавшие России вступить в европейскую семью, они закладывали фундамент, на котором предстояло возвести то или другое здание. Соответственно этому эпоха Александра II выдвинула не мало видных государственных деятелей, но характерно, что в биографиях их на первый план неизменно выдвигаются, соответственно стоявшей перед ними задаче, их высокие душевные качества, рыцарское благородство при проведении начал гражданского равноправия и отказа от дворянских привилегий в пользу «меньшого брата».

После того, как фундамент был заложен, началась эпоха реакции не только правительственной, но и общественной. Однако, вопрос о том, какое здание и как его строить, повелительно стоял на очереди и вызывал горячие споры, сводившиеся к тому, должна ли Россия пройти через те же стадии хозяйственного развития, которые проделала далеко шагнувшая вперед Западная Европа, или же, в виду позднего выступления России на мировой рынок, она найдет свои самостоятельные пути. Книга В. В. (Василия Воронцова) «Судьбы капитализма в России», стоявшего на второй точке зрения, сделалась в восьмидесятых годах евангелием нашей учащейся молодежи, но засим интеллигентное общественное мнение под давлением марксизма, сделавшего к этому времени большие успехи в России, стало переходить на противоположную позицию, т. е. склонялось к тому, что экономическое развитие России должно пойти по

пути эволюции капитализма, пышно расцветавшего в западноевропейских странах. На долю графа Витте и выпало разрешить этот спор практически и он, может быть, с гораздо большей стремительностью нежели последовательностью, гордиев узел разрубил.

Трудно было представить себе человека более подходящего для разрешения столь сложной задачи в тех переходных условиях, в которых Россия тогда находилась. Конечно, для такой цели сам по себе больше подходил бы какой-нибудь представитель нарождающейся промышленности, человек торгового звания. Но такая мысль тогда казалась бы просто кощунственной. Наша бюрократия всеми корнями своими срослась и переплелась с дворянством, интересам коего, как мы это еще дальше увидим, переход к капиталистическому строю вообще весьма мало улыбался. Допустить какого-нибудь разночинца в святая святых управления страной, об этом не только говорить – и помыслить нельзя было. А граф Витте не только был дворянского рода, но весьма гордился своим дворянским происхождением. Но с другой стороны его изумительно ясный практический ум, его кипящая энергия отчуждали его от пассивного вырождающегося, «профершпилившегося», как говорится в мемуарах, дворянства.

И напротив, его служба на железной дороге, его провинциализм и отчужденность от бюрократического Петербурга,

его многочисленные и разнообразные знакомства, круг коих он неустанно расширял – все это делало для него понятной психологию «разночинца», обуславливало возможность взаимного понимания.

Таким образом гр. Витте оказывался, с одной стороны, вполне приемлемым, своим человеком для бюрократического Олимпа, который мог говорить с ним на общем языке, а с другой, он обладал всеми качествами для того, чтобы повести Россию по новому пути, на который ее властно толкали общие условия момента. Кстати, любопытно отметить, что гр. Витте был назначен министром финансов в 1892 году, после года тяжелого неурожая, который так трагически засвидетельствовал неотложную необходимость перехода России к более развитым экономическим формам.

В своих воспоминаниях гр. Витте рассказывает о тех препятствиях, которые он встретил на пути проведения денежной реформы, несомненно противоречившей интересам местного дворянства. Низкий курс рубля и его колебание на иностранных биржах казались выгодными тем, кто продавал хлеб за границу, ибо это увеличивало шансы конкуренции. Гр. Витте отделялся от них частными подачками в виде «ссуд» и деятельностью Дворянского земельного банка и тем не менее должен был прибегать к компромиссам, о которых он задним числом высказывает в мемуарах сожаление. Но главное – переход к капиталистическому строю требовал развития начатых в предыдущее царство-

вание политических преобразований, укрепления правового порядка, равно как и широких социальных реформ и насаждения образования, а это вызывало недовольство. Противодействие вызывало, напр., учреждение и деятельность фабричной инспекции, которая считалась очагом подрывания основ. «Фабричная инспекция», рассказывает гр. Витте, «всегда находилась в подозрении, как такое учреждение, которое будто бы склонно поддерживать интересы рабочих против интересов капиталистов».

«Мне с большим трудом удалось провести в государственном совете закон о вознаграждении рабочих в случае увечий и несчастных случаев. Но закон этот был урезан сравнительно с подобными же законами за границей», и т. д. Но гр. Витте вынужден был идти по этому пути, вследствие чего и приобрел вполне заслуженно репутацию опасного либерала, и чем дальше, тем все больше возбуждал против себя подозрение в правящих кругах. В интересных воспоминаниях Д. Н. Шипова («Воспоминания и думы о пережитом» Изд. М. и С. Сабашниковых, Москва, 1918 г.) рассказывается, что когда кн. Святополк-Мирский предложил Государю созвать совещание для обсуждения вопроса о положении России, то Государь отказался пригласить в него гр. Витте, так как он — де франк-масон. В 1906 году ему было предложено гр. Фредериксом от имени Государя не возвращаться в Россию, так как его пребывание могло бы усилить смуту.

В этом гр. Витте и усматривал трагедию своей государ-

ственной карьеры. Едва ли не главная задача настоящих воспоминаний доказать свою преданность самодержавному принципу, неустанную заботливость об ограждении прерогатив монарха и несомненно, что всей своей деятельностью гр. Витте подтвердил, что по своей натуре, по своим склонностям и привычкам он был ярко выраженным автократом. Достаточно напомнить, что главная историческая реформа – восстановление золотого обращения была проведена вопреки Государственному Совету, с нарушением установленного порядка, что – и это чрезвычайно характерно – не мешает ему упрекать П. А. Столыпина в пренебрежении к требованиям основных законов. Но будучи в душе автократом, он в то же время, как уже сказано, вынужден был быть либералом, либералом *malgré lui* в силу той роли, которая выпала на его долю в деле государственного строительства России. Однако, он был бесконечно далек от мысли, что самодержавный режим не может обеспечить прочность этого строительства, что она требует совершенно определенных политических гарантий. Он, напротив, был непререкаемо убежден, что поскольку руководящая роль ему будет поручена, постолько вопрос о каких бы то ни было гарантиях отпадает.

Когда я с гр. Витте познакомился в 1903 году, я мог – и это было ярким знаменем времени – заговорить с представителем правительства о конституции. Но мои соображения ничего кроме недоумения не вызвали, и оно отчетливо отразилось в пренебрежительном замечании моего собе-

седника, что «никакой пользы из разговоров с ним (т. е. со мной) я не извлек». В соответствии с этим, когда в декабрь 1904 г. по настоянию министра вн. дел кн. Святополк-Мирского был составлен проект указа, в котором впервые возвещалось о созыве выборных представителей, то, как это видно из настоящих воспоминаний и в особенности из упомянутой книги Д. Н. Шипова, гр. Витте добился в последнюю минуту исключения означенного пункта, но зато осуществление намеченных в указе реформ было поручено ему, (кн. Святополк-Мирский ответил на исключение означенного пункта прошением об отставке) и он был глубоко убежден, что ему удастся намеченную программу реформ осуществить («я так вгоню их глубоко, говорил гр. Витте, что назад уже не отнимешь»).

Однако, в настоящих воспоминаниях гр. Витте пришлось констатировать, что уверенность его снова была решительно обманута и указ 12 декабря сведен был просто на нет. Но тем не менее, когда засим начались так называемые булыгинские совещания о призыве выборных, гр. Витте, по его словам, в этих заседаниях молчал и даже около года спустя в отношении манифеста 17 октября, который должен был торжественно возвестить о переходе к конституционному строю, гр. Витте занял ту же двойственную позицию и в своих воспоминаниях он и личными заявлениями, и чужими свидетельствами силится доказать, что он во всяком случае не был за издание манифеста. Еще более характерно, что попытка

приглашения общественных деятелей к участию в кабинете сокрушилась на вопросе о назначении министром вне. д. П. Н. Дурново, одного из наиболее ярких представителей старого режима, относительно которого Александр III положил за несколько времени до того знаменитую резолюцию – «убрать этого мерзавца в 24 часа». – А гр. Витте признавал участие именно Дурново более важным, нежели сотрудничество общественных деятелей, и через несколько месяцев, непосредственно перед созывом Думы, он свое вынужденное прошение об отставке мотивировал тем, что не может принять на себя перед Думой ответственности за действия Дурново. Словно какой то неизбежный рок пригвоздил его к этой меченой фигуре, за которую потом историческая Немезида так жестоко ему отомстила.

Но еще и в этот момент, при обсуждении проекта основных законов, главной задачей гр. Витте по его словам было ограждение прерогатив монарха и ограничение прав народного представительства.

Если же при этом иметь еще в виду, что в своих воспоминаниях гр. Витте сам вполне отчетливо указывает, что революция была давно подготовлена «полицейско-дворянским режимом» и что тем не менее в решительную минуту он своими руками этот режим оградил, то нельзя не склониться перед вечной исторической загадкой или, иначе сказать, перед гримасами истории. Правящие сферы не на шутку боялись вручить премьерство «франк масону», от которого недавно

с чувством облегчения удалось избавиться, и, конечно, были убеждены, что решившись на столь смелый шаг, он делают величайшую уступку общественным силам, а эти силы, отказавшись поддержать гр. Витте, вместе с тем были недостаточно внушительны, чтобы заставить его открыто стать на конституционный путь и разорвать с прошлым.

Гр. Витте, впрочем, и сам в своих воспоминаниях признает, что в его груди две души живут и что между ними двоится его политическое верование. «По моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего, что я видел, и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движения самодержавия, нет». Но если вся беда неограниченного самодержавия только в том, что на престоле может оказаться неудачная личность, если бы, напр., воскресить Александра III, уверял гр. Витте, Россия была бы спасена, то отсюда сама собой подсказывается мысль, что если и при неудачной личности есть надлежащий советник, то неограниченное самодержавие не замедлит проявить все свои благодетельные стороны. Естественно поэтому, что когда гр. Витте становился у власти, или для того, чтобы ему стать у власти, его традиции и укоренившееся настроение просыпались во всей своей силе. Едва ли, однако, было бы справедливо ставить гр. Витте в вину этот разительный недо-

статок исторической перспективы, – он разделяет в этом отношении весьма широко распространенное заблуждение, которое у крупных людей естественно усиливается верой в значение роли личности.

Этим объясняется также счастливое для гр. Витте обстоятельство, что он до конца дней сохранил глубокое убеждение в безусловной правоте своей.

Доказательство этого, как уже замечено было, и составляет главную задачу воспоминаний и соответственно этому он меньше всего останавливается на тех финансовых и экономических реформах, которые завоевали ему историческое имя и полностью удалась. Говоря о восстановлении денежного обращения, он останавливается преимущественно на внешней стороне реформы и здесь не нашло себе ни малейшего отражения серьезное возбуждение, которое эта реформа вызвала тогда в обществе, горячие дебаты, происходившие в вольно-экономическом обществе, заседания которого привлекали массу народа и сосредоточивали на себе общее внимание.

О реформе государственного бюджета, о которой в журналах так много и обстоятельно писали, воспоминания упоминают только вскользь, весьма скупо освещена сущность русско-германского торгового договора. Здесь, так сказать, говорить не о чем, все ясно и само по себе, да кроме того, здесь ему было тесно, здесь он не мог расправить своих крыльев.

Он непрестанно выходил за пределы своей компетенции,

вторгался в международные отношения России и уже гораздо больше пафоса и интереса проявляет, рассказывая о своих переговорах с Ли-Хун-Чаном, приведшим к заключению выгодного договора с Китаем, о переговорах с маркизом Ито, о роли своей в борьбе с дальневосточной авантюрой, закончившейся его увольнением с поста министра финансов, и в особенности о Портсмутском мире, которым мы всецело обязаны его блестящим личным дарованиям. Но всю силу своей страсти, негодования и своеобразной громоздкой диалектики он влагает в изложение своей неудачи 17 октября 1905 года. Двоясь между тяготением к дворянско-полицейскому режиму и пониманием необходимости правового строя, гр. Витте всю вину за неудачу распределяет равномерно между этим режимом, с одной стороны, и партией народной свободы, с другой.

Зато, быть может, они еще больше выигрывают от этого в своей и без того огромной исторической ценности, так как окрашивающий их *субъективизм* автора устанавливает уровень понимания и способность оценки в правящих сферах. Воспоминания гр. Витте доведены почти непосредственно до всемирной войны, завершившейся для нас революций, которая своего последнего слова еще далеко не сказала. Ясно, поэтому, что настоящие мемуары содержат богатейший материал для уяснения причин катастрофического хода событий, для ответа на многие тревожные и мучительные вопросы современности.

Граф С. Ю. Витте начал писать свои мемуары летом 1907 года – за границей. Заканчивая первую часть своих воспоминаний, обнимающую время от поездки в Париж, после оставления им поста министра финансов осенью 1903 года, до возвращения в Петербург после заключения Портсмутского мира, граф Витте снабдил ее следующим предисловием:

«В течение моей жизни я не имел ни времени ни охоты писать мои записки. Теперь, удалившись от активной политической жизни, я решил написать мои воспоминания. Думаю, что они могут послужить к освещению многих событий. Я вообще не люблю писать, а потому пишу себя принуждая, не имея под руками документов, за границей. Если буду продолжать писать дома, то часть документов буду иметь под руками, теперь же пишу все по памяти, а потому, вероятно, делаю некоторые ошибки в датах и названиях. У меня память ослабела на даты и в особенности имена, но что касается фактов и сути дела – то все изложено с полной правдивостью и точностью. Пишу эти воспоминания крайне отрывочно и неусидчиво, по пяти, десяти минут в присест, а потому изложение не только не литературно, но часто совсем нескладно.

Прошу моих наследников их напечатать, причем при печатании можно там, где окажется нужным, исправить

слог, не касаясь сути изложения.

Эту часть моих записок, я оставляю у моего зятя в Брюсселе; продолжение буду писать в России, если окажется возможным.

Во всяком случае все мои воспоминания буду нумеровать последующими номерами.

Брюссель.

5 ноября 1907 г.

Граф Витте.»

Следующую – вторую часть своих воспоминаний, посвященную истории манифеста 17 октября, граф Витте писал в Петербурге в январе 1908 года.

Затем наступил перерыв. В августе 1908 года в Виши граф Витте объясняет, чем перерыв был вызван:

«Вследствие болезни жены и апатии я долго не касался этой рукописи, теперь ее продолжаю в обстановке и в состоянии духа, не дающей возможности к какой бы то ни было систематической работе. Дальнейшее, как и предыдущее изложение – это спешные черновые наброски».

Однако, и на этот раз графу Витте не удастся значительно подвинуть свои мемуары. Уже 16 ноября 1908 года он делает в них следующую личную заметку:

«Моей жене делали операцию в Берне. Писать ничего не мог. Выезжаю в Петербург. Не знаю, удастся ли там продолжать».

Следующая личная заметка в воспоминаниях датирована: 19 июля 1909 года, Виши:

Вот уже около года, как я прекратил писать мои мемуарные заметки. Сначала вследствие болезни жены, а затем, вернувшись в ноябре в Петербург, с одной стороны были различные мелкие дела, а с другой постоянно пускались слухи, что будто бы у меня хотят тем или иным путем вынудить неприятные бумаги. В заграничных газетах говорили, что хотят сделать обыск. Как это ни невероятно, но при нынешнем «коварном режиме» все возможно, благо почти вся Россия находится или формально, или в действительности в «чрезвычайном положении».

Там же в Виши через год, 11 июля 1910 года, приступая к продолжению своих воспоминаний, граф Витте писал:

«Собирался продолжать настоящие наброски в С. Петербурге, но это оказалось неудобным, все по той же причине невозможности быть уверенным, что теме или другим способом заметки эти не попадут в руки либерального столыпинского правительства. При теперешнем quasi конституционном режиме нет ничего невозможного».

Зимой 1910–1911 года графу Витте также не удастся продолжать свои заметки в Петербурге. Следующая дата на его рукописи, это – июнь 1911 года, Зальц-Шлирф бл. Франк-фурта на Майне.

Смерть Столыпина возбуждает в графе Витте надежду на

возможность продолжать писание своих мемуаров в Петербурге. Уезжая из Биаррица, он пишет:

«Сегодня 18-ое ноября 1911 года и послезавтра 20 ноября я покидаю Биарриц, еду в Петербург; удастся ли там продолжать эти заметки или нет, увидим?..»

Надежды эти оказались неосновательны, и в следующую свою поездку за границу летом 1912 года граф Витте приступает к продолжению своих воспоминаний со следующими словами:

«Долгое время я не писал своих заметок, так как в Петербурге по различным условиям писать нельзя и главнейшее потому, что даже в моем положении нельзя быть уверенным, что в один прекрасный день под тем или другим предлогом не придут и не заберут все. Тогда наживешь большие неприятности и совершенно бесцельно, так как в таком случае, конечно, никто и никогда не прочтет то, что я писал. Я не имею теперь под руками то, что я ранее писал. Кажется, я кончил на изменениях в личном составе высших лиц во время моего премьерства. Теперь буду писать о главнейших событиях во время моего министерства по существу».

Заканчивая свои воспоминания, граф Витте в том же году писал:

«Я оканчиваю мои заметки и если дальше буду писать, то в порядке страниц начиная с 364-ой (продолжение настоящей), касаясь более современных

обстоятельств, которых я не касался в моих стенографических диктовках потому, что считал это невозможным.

Биарриц, 5-го октября 1912 года».

Упомянутые здесь «стенографические диктовки» представляют собой особую часть мемуаров графа Витте.

Начал он над ними работать зимой 1910–1911 года, когда лишенный возможности продолжать в Петербурге свои заграничные заметки, он занялся составлением политически более безобидных мемуаров, в несколько иных хронологических рамках. В них он начинает с подробного описания своего детства и юношества и своих первых шагов на государственной службе.

Но мало помалу он увлекается этой работой, которую продолжает и зимой 1911-12 года. И таким образом, его стенографические рассказы обращаются в параллельную работу, обнимающую хронологически эпоху от детства графа Витте до конца 1911 года. В этих своих воспоминаниях граф Витте делает только один значительный пропуск: с 15 сентября 1905 года по конец апреля 1906 года, мотивируя его следующими словами:

«Ход дальнейших событий до 17-го октября и затем мое министерство до конца апреля – составляет предмет моих личных, в смысле стилистическом, совсем необработанных записей, но записей, довольно последовательно излагающих

события не только за это время, но и за время предшествующее. Записи эти хранятся в должном месте.

Так как я не полагал, что впоследствии буду делать настоящие рассказы, стенографически записываемые, то в тех моих рукописях потомство найдет и изложение некоторых из тех событий, которые я в настоящее время рассказываю для стенографической записи.

Вероятно, в моих рукописных записях рассказы эти были и более точны и, несомненно, более откровенны, а поэтому туда могли войти и такие события, которые в стенографические записи не вошли.

Таким образом, я прерываю свои рассказы за время с конца сентября 1905 года до конца апреля 1906 года».

Так сложились две основные части воспоминаний графа Витте – более «откровенные», написанные им преимущественно за границей и более сдержанные, которые им диктовались в Петербурге.

* * *

Несколько труднее выяснить вопрос, каковы были те предварительные работы, которые легли в основу воспоминаний гр. Витте. Но кое что в этом отношении можно отметить.

Выше, мы привели предисловие к его первой части ру-

кописных записок, в котором он пишет, что у него не было «ни времени, ни охоты» писать свои воспоминания. Но желание, чтобы потомство правильно оценило его роль и значение, владело им задолго до того, как он приступил к писанию мемуаров. Руководясь этим желанием, он, по-видимому, с самого начала своей политической деятельности составлял свой архив, в котором систематически собирал все более или менее важные документы. Особенно тщательно начал он относиться к своему архиву, когда авторитет его поколебался. Тогда его стал волновать вопрос, чтобы справедливость, которой ему, по его мнению, не воздали при жизни, была воздана ему после его смерти.

В этом настроении гр. Витте писал: «Конечно, я уверен в том, что когда я буду в земле, все выяснится, и мне будет отдано должное. Моих врагов забудут, а меня Россия не забудет». Основной целью собирания архива и было облегчение потомству этой задачи систематическим подбором всех материалов, выясняющих личную роль автора.

Наряду с простым собиранием документов, под руководством гр. Витте составлялись и систематические обзоры тех или иных выдающихся событий. К таковым обзорам относится и брошюра «О политике на Дальнем Востоке до 1901 года», которая по желанию Николая II усиленно разыскивались осенью 1904 года департаментом полиции (см. гл. XXII).

Составление таких систематических обзоров продолжа-

лось и после выхода графа Витте в отставку. Мы знаем даже и имя одного из помощников его в этом деле. Это – Гурьев, который работал в доме графа Витте как раз в тот день, когда были обнаружены адские машины (см. гл. XLIX).

* * *

В нашем распоряжении находились как стенографические записи (17 томов in folio), так и заграничные заметки (9 тетрадей in quarto). Первые, напечатанные на пишущей машине, вторые, переписанные от руки; и те, и другие с собственноручными исправлениями графа Витте.

Выходящее два тома воспоминаний хронологически ограничены царствованием Николая II. В них вошли полностью собственноручные заметки и около $\frac{2}{3}$ стенографических записей.

Сам гр. Витте называл свои мемуары «лишь черновыми набросками», «спешными мемуарными заметками». Он отмечал: «Я не помню, писал ли я это раньше, у меня нет под рукой моих предыдущих заметок», «мои рассказы не могут претендовать на какую либо систематичность».

Таким образом, задача редакции состояла в необходимом упорядочении оставленного графом Витте материала. Упорядочение это заключалось в перестановке, в разделении на главы и в устранении повторений. Были исправлены лишь незначительные грамматические погрешности, ибо ре-

дакция руководилась желанием по возможности сохранить своеобразный, несколько небрежный и не всегда подчиняющийся грамматическим правилам стиль графа Витте. Перестановка вызывалась тем характерным для графа Витте обстоятельством, что как в стенограмме, так и в записях он часто делает значительные отступления.

Он сам пишет: «Я не имею никакой возможности писать хронологически». Случайное лицо, или событие, о котором ему приходится упомянуть, часто заставляет его надолго забыть об основной теме рассказа. Этим вызываются и чрезвычайно многочисленные, почти дословные повторения.

Однако, как при перестановке, так и при разделении на главы, были приложены старания, чтобы не нарушить естественной связи рассказа. Таким образом некоторая беспорядочность свойственная подлиннику сохранена. Она особенно ярко проявляется в начальных главах второго тома, посвященных описанию первых месяцев премьерства графа. Сохранены и некоторые повторения, так же чрезвычайно характерные для гр. Витте.

В случаях параллельности изложения обычно устанавливалась сводная редакция, при чем за основу брался более «откровенный» рассказ рукописных заметок.

Наиболее существенные отклонения повторяющихся рассказов приведены в подстрочных примечаниях в виде вариантов.

Для критического подхода к воспоминаниям графа

Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками (*).

Из приводимых вариантов читатель может убедиться, сколь значительно изменялись оценки лиц и событий в более «откровенных» записях.

* * *

В заключение я позволю себе остановиться на одной из допущенных в мемуарах неточностей, которая не лишена общественного интереса. Как уже замечено выше, гр. Витте весьма подчеркивает свою роль охранителя прерогатив короны при обсуждении в 1906 г. проекта основных законов.

По поводу этого он во втором том воспоминаний передает такой эпизод:

«Чтобы понять происшедшее замедление в опубликовании основных законов и характер сказанных изменений, следует иметь следующее в виду, сделавшееся мне известным лишь в 1907 году от Владимира Ивановича Ковалевского, бывшего моим товарищем по посту министра финансов и вышедшего, когда я еще был министром финансов, в отставку. Я не хотел верить Ковалевскому, но он мне представил к своему рассказу доказательства, хранящаяся в моем архиве.

Как только совет министров представил проект основных законов Его Величеству, он, конечно, сделался известным

генералу Трепову, который познакомил с ним В. И. Ковалевского, прося Ковалевского обсудить этот проект и представить свои соображения; Ковалевский пригласил к обсуждению Муромцева (кадет, председатель первой Думы), Милюкова, И. В. Гессена (оба кадета) и М. М. Ковалевского (культурный, образованный, либеральный ученый и теперешний член Государственного Совета). Они составили записку, которая В. И. Ковалевским была передана генералу Трепову 18-го апреля, значит, тогда же была представлена Его Величеству.

Записка эта начинается так: „Выработанный советом министров проект основных законов производит самое грустное впечатление. Под видом сохранения прерогатив Верховной власти составители проекта стремились сохранить существующую безответственность и произвол министров“ и т. д. в этом роде.

Затем в записке говорится: „Во избежание коренной переработки проекта он принят в основание и затем в него введены частью более или менее существенные, частью редакционные изменения“.

Далее следуют все предлагаемые изменения, сводящие власть Государя к власти господина Фальера и вводящие парламентаризм, не говоря о крайне либеральном и легковесном решении целого ряда капитальнейших вопросов русской исторической жизни. Эта записка по-видимому поколебала Его Величество и Он не утверждал основные законы».

Хотя гр. Витте и ссылается на документы, но в действительности, ничего подобного не было: ни я, ни кто либо другой из названных лиц не принимали участия ни в обсуждении проекта основных законов, ни проекта тронной речи. За несколько дней до опубликования основных законов текст их был доставлен мне известным общественным деятелем А. И. Браудо, который, однако, не сообщил мне, от кого он этот текст получил. Проект был опубликован в газете «Речь» и в ряде статей подвергнут жестокой критике, которая видимо произвела впечатление, и под этим влиянием внесены были значительные изменения, о которых в приведенной выдержке упоминается.

Я полагаю, что гр. Витте смешал здесь два различных факта: года за три до манифеста 17 октября ко мне действительно обратился В. И. Ковалевский и предложил составить проект «либерального манифеста», который он предполагал вручить барону Будбергу, бывшему тогда главноуправляющим комиссией прошений, на Высочайшее имя приносимых, с тем, чтобы последний представил этот проект Государю для подписи в день Светлого Воскресенья. Это поручение я выполнил совместно с П. Н. Милюковым, но проект остался в архивах и, как мне известно, был передан гр. Витте вместе с другими материалами перед 17 октября.

Предисловие

Не без колебания решилась я написать несколько строк в виде предисловия к мемуарам моего покойного мужа. Быть беспристрастной в оценке этого труда, которому граф Витте придавал такое значение, я не могу, а пристрастная оценка жены едва ли может представить какой-нибудь интерес для читателя.

Мне хотелось бы объяснить читателю, какое значение придавал своему труду сам покойный автор, и сказать о тех причинах, которые побудили моего покойного мужа облечь свои мысли и воспоминания в форму книги, не предназначенной для издания при жизни автора и его современников. Граф Витте не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе. Принадлежа к дворянству, он не защищал, однако, дворянских привилегий; ставя себе главной государственной задачей справедливое устройство крестьянского быта, он, однако, оставался государственным деятелем, чуждым теоретического народничества, которым увлекалась значительная часть русской интеллигенции. Он не был либералом, ибо не сочувствовал нетерпеливому стремлению либералов переустроить сразу, одним мановением руки, весь государственный уклад; он не был и консерватором, ибо презирал грубые приемы и отсталость политической мысли, характеризовавшие правящую бюрократию.

тию России.

Мой муж неоднократно говорил своим близким: «я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я»...

Это создало С. Ю. Витте много врагов во всех лагерях. При Дворе, среди консерваторов, у либералов, в демократических кругах – всюду на графа Витте смотрели как на человека «чужого». Он искал блага своей родины, идя своими собственными путями, и поэтому имел мало постоянных попутчиков. Справедливость заставляет меня признать, что выдающиеся государственные таланты моего мужа не оспаривались и даже ценились во всех кругах Великой России. Тем не менее, по указанной выше причине, ни один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападок, как мой покойный муж. При Дворе его обвиняли в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывали желание урезать права народа в пользу монарха. Землевладельцы его упрекали в стремлении разорить их в пользу крестьян, а радикальные партии – в стремлении обмануть крестьянство в пользу помещиков. Творец конституции 17 октября, которой начинается новая русская история, был слишком заманчивым объектом для интриг и клевет; с другой стороны,

сложная и многосторонняя натура большого государственного деятеля не поддавалась никакой упрощенной формуле и потому плодила недоразумения, иногда совершенно даже добросовестные.

Полемизировать с противниками, опровергать клеветы, разъяснять недоразумения, обращаясь к печати, мой муж не желал. Он был выше того, чтобы вмешаться в злободневную суету пересудов. Кроме того, цензурные условия старого режима, которые для бывшего первого министра Царя были строже, чем для обыкновенного гражданина, и в такой же мере желание щадить чувства многих современников, совершенно исключали возможность полного и откровенного выражения мыслей графа Витте. Отсюда – решение доверить суд над своей деятельностью следующему поколению, отсюда – печатаемые ныне мемуары.

Мемуары свои мой муж хранил за границей. Он не питал уверенности в том, что его кабинет на Каменно-островском проспекте в Петрограде достаточно защищен и от ока, и от длани тайной полиции. Обыск в любой момент, мог легко лишить автора его рукописей. Он знал, что этой его работой интересуется слишком много могущественных людей. Рукописи хранились все время в одном заграничном банке на мое имя. Мой муж опасался, что в случае его смерти двор и правительство пожелают завладеть его архивом, и просил меня заблаговременно обеспечить сохранность мемуаров. Я это сделала, переведши рукописи из Парижа в Байон, где они

хранились в банке на чужое имя.

Предостережения оказались не лишними. Как только в феврале 1915 года мой муж скончался, кабинет его в Петрограде был опечатан и все найденное рассмотрено и забрано властями. Через некоторое время ко мне от имени Государя явился генерал-адъютант, начальник главной квартиры, и сказал, что Государь, ознакомившись с оглавлением мемуаров мужа, очень ими интересуется и хотел бы их прочитать. Я ответила, что, к сожалению, лишена возможности предоставить их для чтения Государю, так как они хранятся за границей. Посланец Государя не настаивал, но через некоторое время чиновник русского посольства в Париже появился в нашей вилле в Биаррице и в отсутствии хозяев произвел очень тщательный обыск. Он искал мемуары, которые в то время, как я сказала выше, спокойно лежали в сейфе банка, в Байоне.

Гр. М. И. Витте

Для критического подхода к воспоминаниям графа Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками (*).

*Любимейшему внуку Льву Нарышкину –
Мои Воспоминания*

Глава первая

Начало царствования

ИМПЕРАТОР Александр III умер так же, как жил – как истинный христианин, как верный сын православной церкви и как простой, твердый и честный человек. Умер он совершенно спокойно и, умирая, он гораздо более заботился о том, что это огорчит его окружающих и любимую им его семью, нежели думал о самом себе.

Затем последовала присяга новому Императору Николаю II и перевоз тела Императора Александра III из Ялты в Петербург.

Эта печальная церемония была произведена с соблюдением установленных на этот случай правил, но с простотою, которая была внедрена в царствование усопшего Императора.

Тело его в Москве было выставлено (кажется на 1 день) в Успенском соборе. Министры и высшие чины встречали траурный поезд на Николаевском вокзале.

Я помню, как теперь, как подошел поезд; на вокзале была масса лиц; весь Невский проспект и путь к Петропавловскому собору были переполнены народом. Я был на самом перроне, к которому подошел поезд; из поезда вышел молодой

Император, а затем две особы женского пола, обе белокурые. Естественно, мне было интересно видеть нашу будущую Императрицу и, так как я раньше ее никогда не видел, то увидав одну очень красивую, с совершенно молодым телосложением даму, я был уверен, что это именно и есть принцесса Дармштадтская – будущая Императрица Александра Федоровна, и был очень изумлен, когда мне сказали, что это не она, а что та, которую я принял за будущую императрицу – это королева Англии Александра (ныне уже вдова). Меня поразила тогда ее молодость, так что, когда я сейчас же после нее увидел нашу будущую Императрицу – она мне показалась менее красивой и менее симпатичной, нежели тетка Императора – королева Англии. Но тем не менее и новая Императрица была красива, – и до сих пор красива, хотя у нее всегда было и до настоящего времени есть нечто сердитое в складе губ.

Как только вынесли гроб Императора, погребальная процессия двинулась через Невский проспект, Литейный мост в Петропавловский собор.

Процессия шла, конечно, по заранее определенному церемониалу, причем министры шли парами впереди гроба, перед певчими и духовенством. Я не помню, с кем я шел. Всюду стояли шпалерами войска; была масса народа... Я был очень удручен и у меня в памяти остались только два маленькие эпизода, происшедшие во время этой процессии: На Невском проспекте, вдруг, я слышу голос: «Смирно». – Я

невольно поднял глаза и увидел молодого офицера, который при приближении духовенства и гроба скомандовал своему эскадрону:

«Смирно». – Но вслед за этой командой – «смирно», он скомандовал еще следующее: «Голову направо, смотри веселей».

Последние слова мне показались такими странными, что я спросил у своего соседа:

– Кто этот дурак?

На что мой сосед мне ответил, что это ротмистр Трепов, тот самый Трепов, который впоследствии сыграл такую удивительную роль, сначала в качестве градоначальника Москвы, генерал-губернатора Петербурга, потом товарища министра внутренних дел, а в сущности диктатора – впрямь до 17-го октября; когда я сделался председателем совета министров, то, конечно, он не мог оставаться со мною и сделался дворцовым комендантом, но, в сущности говоря, продолжал быть закулисным диктатором, что и послужило, главным образом, причиною того, что я решил оставить место председателя совета министров.

Затем, когда мы прошли через Литейный мост, то меня удивило еще следующее: министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново – уже вышел из процессии и в качестве не то полицмейстера, не то вообще начальника полиции делал распоряжения относительно того, каким образом должна себя держать публика и как должна действовать полиция.

Конечно, в то время, все эти распоряжения касались только внешнего порядка; все были глубоко потрясены смертью Императора и были уверены, что ни с чьей стороны, даже и со стороны крайних левых, не может последовать никакого действия, которое не было бы в гармонии с тем чувством, в котором пребывала в то время вся Россия по отношению к покойному Императору.

Говоря о министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново и рассказывая о первых днях после смерти Императора Александра III, я всегда вспоминаю следующее:

Когда получилось известие о кончине Императора, я поехал к Ивану Николаевичу уговориться по некоторым вопросам. Он знал, как я был привязан к Императору, точно так же, как и я знал, что Иван Николаевич очень его любил. Мы были, конечно, в довольно тяжелом и грустном расположении духа.

Вот Иван Николаевич обратился ко мне и говорит:

– Что же вы, Сергей Юльевич, думаете относительно нашего нового Императора?

* Я ответил, что о делах говорил с ним мало, знаю, что Он совсем не опытный, но и не глупый и Он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II, таким он и остался. Воспитание это скрывает все его недостатки. На это

И. Н. Дурново мне заметил: «Ошибаетесь Вы, Сергей Юльевич, вспомните меня – это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, Император Николай II не Павел Петрович, но в Его характере не мало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а Император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства. *

Почти одновременно со свиданием с Иваном Николаевичем я имел собеседование и с Константином Петровичем Победоносцевым.

Так вот, когда я приехал к Константину Петровичу Победоносцеву, он был тоже чрезвычайно огорчен смертью Императора. Что же касается Императора Николая II, у которого он был преподавателем, то, хотя он, как преподаватель будущего Императора, и относился к нему любовно, но, тем не менее, высказался о своем ученике как-то неопределенно. Больше всего он боялся, чтобы Император Николай по молодости своей и неопытности не попал под дурные влияния. Но я старался не продолжать этот разговор.

Тело почившего Императора Александра III было выставлено в Петропавловском соборе. Я несколько раз дежурил

при теле; раз дежурил ночью. Все время приходила масса народа поклониться телу Императора.

Затем последовали похороны, которые продолжались очень долго.

Императрица Мария Феодоровна все время стояла весьма мужественно. Когда же митрополит говорил длинную речь, то к концу речи нервы Императрицы не выдержали и с нею сделалось что-то в роде истерического припадка, хотя и очень кратко. Она кричала: «довольно, довольно, довольно».

После похорон, через несколько дней я представлялся вдовствующей Императрице.

Во время царствования Императора Александра III она сначала относилась ко мне весьма милостиво, а после моей женитьбы – довольно сдержанно и сухо.

В этот раз, когда после смерти Императора я представлялся Императрице, она приняла меня очень ласково и, между прочим, сказала такую фразу:

– Я думаю, что вам очень тягостна смерть Императора, потому что, действительно, он вас очень любил.

Во время первых месяцев царствования Императора Николая II, в Петербург приезжал принц Уэльский. Как известно, будущий король Эдуард VII был дядей принцессы Алисы Дармштадтской, нашей нынешней Императрицы, а потому в обращении был с нею очень интимен. И вот, когда он

был в Петербурге, то во время одного из первых завтраков с Императором и Императрицей, когда они были втроем, он вдруг, обращаясь к Императрице, довольно недипломатично сказал: «Как профиль твоего мужа похож на профиль Императора Павла», – что очень не понравилось как Императору, так и Императрице.

Я слышал об этом от приближенных принца Уэльского (будущего короля Эдуарда). Рассказывая об этом, он заметил, что сделал «гаф» (неловкость).

Тем не менее принц Уэльский в первые месяцы после смерти Императора Александра III оказал сердечную родственную дружбу вдовствующей Императрице и Императору, не только с формальной стороны, как это сделали все царствующие дома, но и со стороны интимной.

После похорон Императора Александра III, я через несколько дней был с всеподданнейшим докладом у молодого Императора Николая II. Новый Император несомненно очень любил своего отца и потому был огорчен его смертью; независимо от того, он был смущен своим новым положением, к которому совсем не был подготовлен; кроме того, он прибыл в Петербург с своей невестой, будущей Императрицей Александрой Феодоровной, в которую, как говорят, он был влюблен. Таким образом молодой Император находился под влиянием разнообразных чувств и сильных впечатлений.

Когда я пришел к Императору с первым моим всеподдан-

нейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково: он знал, что отец его относился ко мне особенно благосклонно и кроме того, когда он еще был Наследником-Цесаревичем, то я ему весьма нравился и он, еще будучи совсем молодым человеком, всегда ко мне благоволил, что и выказывал в Комитете Сибирск. жел. дор., в коем он был председателем.

Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал Император Николай, был следующий: «А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его».

Я доложил Государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда Государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный Император еще в Беловежском дворце, – (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом Императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет.

В следующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницам) Государь сказал мне, что он нашел доклад, и стал говорить со мною о том, что он считает необходимым привести в исполнение этот доклад и прежде всего главную мысль доклада о том, чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. Затем Государь го-

ворил о том, что не следует осуществлять проекта грандиозных устройств в Либаве, так как Либавя представляет собою порт, не могущий принести России никакой пользы, вследствие того, что порт этот находится в таком положении, что в случае войны эскадра наша будет там блокирована. – Вообще Император высказался против этого порта.

В то время в этом отношении было два течения: одно течение, – которое я с своей стороны признаю совершенно правильным, – было против устройства этого порта, как такого, который не может принести нам пользы; а другое течение – за то, чтобы главный опорный пункт нашего флота сделать в Либаве, там устроить громадный военный порт.

Вот Император Николай II и хотел немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане в Екатерининской гавани, причем Екатерининская гавань должна быть соединена железной дорогой с одной из ближайших станций прилежащих к Петербургу железных дорог.

Я с своей стороны этому делу сочувствовал, но советовал Его Величеству этим делом не спешить, не издавать этого указа немедленно, т. е. в ближайшие недели после смерти его покойного отца, ибо мера эта несомненно внесет некоторый семейный разлад. Генерал адмирал Алексей Александрович (ныне покойный) почтет это для себя обидой, так как он – партизан устройства порта в Либаве. К тому же Великий Князь Алексей Александрович очень близок к вдов-

ствующей Императрице, которая теперь, после смерти Александра III, еще более будет к нему привязана. Великий Князь Алексей Александрович, будучи один среди Великих Князей, братьев ее покойного мужа, холостым, всегда был очень близок к Императрице Марии Феодоровне. Таким образом, я был уверен, что эта мера внесет разлад в царскую семью в первые же недели после смерти Императора Александра III, чего, конечно, желательно избежать.

Затем, несомненно будут говорить, что Император Николай II только что вступил на престол, а потому дело это изучить не мог, и следовательно, действует под чьим-нибудь влиянием.

На это Император мне ответил, что говорить так не могут, потому что у него есть на моем всеподданнейшем докладе о поездке в Мурмане резолюции Императора Александра III. – Но, во всяком случае, Император почел мои соображения довольно уважительными и сказал, что этим делом, вероятно, немножко повременить.

Прошло месяца 2–3 и вдруг я прочел в «Правительственном Вестнике» указ Императора Николая II о том, что он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт – портом Императора Александра III, во внимание к тому, что будто бы это есть завет Императора Александра III.

Меня этот указ чрезвычайно удивил, так как мне было известно, да и сам Император мне говорил, что покойный Император Александр III не только держался совсем другого мнения, но за несколько месяцев до своей смерти на моем всеподданнейшем докладе (который, вероятно, находится в личном архив Императора Николая II), высказал совершенно противоположное мнение.

Через несколько дней после появления этого указа ко мне явился Кази, человек очень близкий к Великому Князю Константину Константиновичу, и говорил мне, что вот как Великие Князья, пользуясь молодостью Императора, пользуясь тем, что Император только что вступил на престол и, так сказать, еще не окреп, злоупотребляют своим влиянием. Кази рассказал мне, что после указа о Либавском порте Император Николай II приехал к Великому Князю Константину Константиновичу и со слезами на глазах сетовал Великому Князю о том, что вот генерал-адмирал Великий Князь Алексей заставил его подписать такой указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца.

Отказать же ему в этом Император Николай II не мог, так как Великий Князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерала-адмирала.

Сам Великий Князь Алексей Александрович, будучи

очень милым, честным и благородным, в то же время был человеком в деловом отношении не особенно серьезным и им руководил управлявший морским министерством Николай Матвеевич Чихачев. Таким образом идее устройства Балтийского порта была пропагандирована Н. М. Чихачевым, человеком тоже очень милым, умным, но умным преимущественно в делах коммерческих, а не военных. Секретарем Н. М. Чихачева был полковник по Адмиралтейству (ныне генерал по Адмиралтейству) Обручев, брат начальника Главного Штаба известного Обручева, который, действительно, имел авторитет, как военный. Он был действительно выдающимся военным теоретиком и убежденным сторонником устройства нашей военной морской опоры в Либаве. Чихачев же в данном случае проводил только мнение этого военного авторитета.

Мне ни разу не пришлось говорить с генерал-адъютантом Обручевым по этому предмету, но, зная его высокий ум и таланты, я убежден в том, что его мысль имела известное основание, но как часть его общей системы обороны государства, а не как отдельный фактор нашей военной силы.

Большинство же моряков, в том чисел и Кази, были другого мнения. В это время Кази играл в Петербурге очень большую роль, он уже тогда был в отставке. Когда-то Кази был помощником Н. М. Чихачева, когда этот последний был директором Русского Общества пароходства и торговли. Затем он с ним разошелся. Несомненно Кази был человек большого

таланта, нежели Чихачев. Относительно вопроса об устройстве порта Кази, как и многие другие моряки, держался того мнения, что устройство порта в Либаве было бы совершенно напрасной тратой денег, – как в конце концов это и оказалось в действительности. Мысль его была такова, что нам нужно искать опору для морских сил в одном из открытых морей, чтобы в случае войны мы не могли быть в этом порте заперты. Между прочим, это была его мысль устроить нашу опору на Мурмане в Екатерининской гавани.

Но, как я уже сказал, судьба устроила иначе: Император Николай II подписал указ вопреки своему убеждению, вопреки своему мнению, об устройстве порта в Либаве, и порту этому дал имя покойного Императора Александра III, между тем как Император Александр III, – что мне было отлично известно, – и как это видно из его резолюции на моем докладе по Мурману, не только этому делу не сочувствовал, а считал устройство порта в Либаве делом вредным.

Когда Кази рассказал мне, как все это случилось, как Император Николай II со слезами на глазах рассказывал Великому Князю Константину Константиновичу о том, что Его Великий Князь Алексей Александрович, так сказать, насильствовал в этом вопросе, то я, зная немного характер молодого Императора, подумал, что он этого эпизода не забудет, и, в конце концов, Н. М. Чихачеву не поздоровится. Действительно не прошло и года времени, как Император Николай II, в Москве, настоял на увольнении Н. М. Чихачева с

поста управляющего морским министерством и на этот пост был назначен адмирал Тыртов.

Это был, так сказать, акт мести, но на существо дела увольнение Н. М. Чихачева не имело никакого влияния. В сущности говоря, и при Тыртове морское министерство шло тем же неправильным аллюром, каким оно шло и при адмирале Чихачеве. Через несколько лет умер Тыртов и управляющим министерством сделался адмирал Авелан и министерство продолжало идти тем же аллюром, хотя как Тыртов, так и Авелан были оба умные, прекрасные люди, но по талантам своим они были ниже посредственности.

Между тем, это злополучное решение оставить мысль об устройстве нашего опорного пункта в Мурмане и базироваться в Либаве имело весьма печальные последствия. В виду этих последствий, мне потом приходилось жалеть, зачем я тогда отговорил Императора Николая от издания указа об устройстве нашего опорного пункта в Мурмане, хотя, как я уже говорил, я советовал ему этого не делать только в ближайшие недели после смерти Александра III, а советовал осуществить это хладнокровно, в более спокойной и хладнокровной форме. Но, оказывается, как потом я убедился из многих случаев, иногда, в особенности, когда имеешь дело с людьми колеблющимися, весьма важно ловить момент, а если упустишь момент, то и самое дело упустишь.

Я говорю, что решение это имело важные последствия, и вот почему: если бы Император Николай II издал тогда указ о том, что надобно устраивать наш морской базис на Мурмане, то несомненно, он сам увлекся бы этой мыслью, которая представляла собою завет покойного его отца. Тогда, вероятно, мы не искали бы выхода в открытое море на Дальнем Востоке, не было бы этого злополучного шага – захвата Порт-Артура и затем, так как мы все спускались вниз, шли со ступеньки на ступеньку, – не дошли бы мы и до Цусимы.

Вступив так неожиданно на престол, Император Николай II, весьма понятно, был совершенно к этому не подготовлен, а потому и находился под всевозможными влияниями, преимущественно, под влиянием Великих Князей.

В первые годы его царствования, доминирующее влияние на него имела Императрица-мать, но влияние это было непродолжительно; затем, на Императора Николая II постоянно влияли, – до известной степени, но в значительно меньшей мере, влияют и теперь, некоторые Великие Князья. Но в настоящее время Государь Император, и не без основания, имеет убеждение в том, что он гораздо опытнее и гораздо более знает, нежели все окружающее его многочисленные члены царской семьи, так как он процарствовал уже 15 лет, многое в своей жизни испытал, много видел и поэтому приобрел такую, по крайней мере механическую опытность в управлении, какой, конечно, ни один из членов его семьи не имеет.

В начале же царствования Императора Николая II было,

конечно, иное положение, ибо в то время был жив и Великий Князь Владимир Александрович, Великие Князья Алексей Александрович и Сергей Александрович. Его дяди, лица, которые несомненно, в Его глазах, имели гораздо большую опытность и значение и занимали более или менее важные государственные посты тогда, когда Император был еще совсем младенцем. Естественно, что вследствие этого они на него имели большое влияние. Ныне эти Великие Князья все поумирали. Надо при этом заметить, что среди Великих Князей Владимир Александрович был человеком замечательного образования, замечательной культуры; вообще, все они были люди превосходные и как Великие Князья вполне достойные. Об одном только можно пожалеть, что вообще Великие Князья играют часто такую роль только потому, что они *великие* князья, между тем, как роль эта совсем не соответствует ни их знанию, ни их талантам, ни образованию.

Когда же они начинают влиять на Государя, то из этого большею частью всегда выходят одни только различные несчастья.

Нужно сказать, что при Императоре Александре III Великие Князья ходили по струнке. Покойный Император держал их в респекте и не давал им возможности вмешиваться в дела, их не касающиеся. – Император Александр III и в области их управления имел сдерживающее влияние на Вели-

ких Князей и пользовался среди них полным авторитетом. Все Великие Князья любили Императора Александра III, но в то же время и боялись его. С воцарением молодого Императора все это было перевернуто, что вполне естественно и объясняется разностью лет и разностью жизненного авторитета между молодым Императором и некоторыми Великими Князьями, родственным уважением молодого Императора к старшим, и, наконец, мягкостью характера и темпераментом нового Императора.

Это обстоятельство и было одною из причин многих неблагоприятных явлений, скажу даже больше – бедствий царствования Императора Николая II; в особенности это можно сказать относительно первых лет царствования Императора Николая II, когда он сам еще, так сказать, как личность, не окреп и не обнаружился.

Мне известно со слов бывшего военного министра, а впоследствии министра народного просвещения, генерал-адъютанта Ванновского, что в первые же годы царствования Императора Николая II, когда Ванновский заметил усиливающееся влияние на Государя Великих Князей, во всех делах, до них не касающихся, в особенности в области военной, он как-то сказал Императору.

– Ваше Величество, не вводите удельную систему, которую уничтожил ваш покойный отец.

Император спросил: «О какой удельной системе вы гово-

рите?» Ванновский ответил:

– Об удельной системе, подобной той, которая была в древней Руси, когда каждый Великий Князь царствовал, пока Россия не была собрана во единое Московское царство.

Удельная система, только в другой форме до некоторой степени явилась в царствование Александра II, когда Великие Князья снова начали вмешиваться в дела, до них не касающиеся, что и было уничтожено Императором Александром III.

Император Николай II улыбнулся и сказал:

– Ну я, Петр Семенович, им тоже пообрежу крылья. Но, к сожалению, это было сделано не особенно энергично и некоторые Великие Князья все время имели на Государя неблагоприятное влияние, причем, может быть, главным образом влиял на него неблагоприятно Великий Князь Александр Михайлович, женатый на сестре Императора. Я полагаю, что если бы не этот Великий Князь, то, может быть, мы не имели бы всех тех несчастий, которые мы претерпели на Дальнем Востоке.

Когда Император Николай II вступил на престол, то от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренно желал России, в ее целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным счастья и мирного жития, ибо у Императора, несомненно, сердце весьма хорошее, доброе, и

если в последние годы проявлялись иные черты его характера, то это произошло оттого, что Императору пришлось многое испытать; может быть, в некоторых из сих испытаний он сам несколько виноват, потому что доверился несоответственным лицам, но тем не менее сделал он это, думая, что поступает хорошо.

Во всяком случае, отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующей Император Николай II.

В первые же месяцы своего царствования он женился; свадьба его по случаю траура была без всяких торжеств. После свадьбы, которая совершилась в Зимнем Дворце, он поехал справлять медовый месяц в Царское Село, которое и донныне составляет, можно сказать, его главное местопребывание.

До женитьбы он жил в Аничковом Дворце, а после женитьбы, вернувшись из Царского в Петербург, он переехал в Зимний Дворец, где и жил до последних лет злосчастной японской войны и затем смуты, т. е. до апреля 1904 года.

С 1905 года он в Зимнем Дворце больше не живет и весьма редко туда наезжает, а живет, преимущественно, как я уже сказал, в Царском Селе; летние же месяцы он проводит в Петергофе или Ливадии, за исключением тех недель, которые он, главным образом в первые годы своего царствования, провел вне России.

2-го ноября Государь Император принял в Аничковом Дворце (так как тогда он еще жил в Аничковом Дворце) всех членов Государственного Совета, председателя его, а так как министры по своему званию состоят членами Государственного Совета, то на этом приеме были и все министры.

Император был очень взволнован; он сказал несколько весьма сердечных слов в память своего отца и вообще отнесся ко всем присутствующим весьма сердечно.

Я обратил внимание на то, что на этом представлении в числе членов Государственного Совета присутствовал и Александр Аггеевич Абаза.

Хотя Александр Аггеевич и был членом Государственного Совета, но после той истории, которая произошла в царствование Императора Александра III (Речь идет о разоблачении биржевых спекуляций Абазы.), жил или у себя в деревне (в Шполе, Киевской губ.), или в Монте-Карло, так как он по натуре был большой игрок.

Само по себе присутствие Александра Аггеевича Абазы меня не удивило, так как с его стороны было весьма естественно приехать в Петербург по случаю кончины Императора Александра III и вступления на престол нового Императора, но меня удивило, что Император Николай отнесся к нему особенно любезно и милостиво.

Александр Аггеевич Абаза был в хороших отношениях с Великим Князем Михаилом Николаевичем, Председателем

Государственного Совета, человеком очень хорошим, благородным, но весьма ограниченным; в то время Государственным Секретарем был Александр Александрович Половцев – большой друг А. А. Абазы, и я сразу догадался, что А. А. Половцев желает реабилитировать Александра Аггеевича в глазах молодого Императора.

Я лично против А. А. Абазы ровно ничего не имел. А. А. Абаза был человек выдающегося здравого рассудка, во всяком случае, это был крупный государственный человек. – Но я опасался, что реабилитация Абазы может последовать только посредством утверждения, что все то, что послужило к опале Абазы – неверно; чтобы не случилось опять того же, что предполагали сделать в царствование Императора Александра III, когда все в Государственном Совете стали утверждать, что я наклеветал на А. А. Абазу, вследствие чего, я просил назначить комиссию под председательством Николая Христиановича Бунге. Совещание это удостоверило, что все то, что я докладывал Императору и чего не мог не докладывать относительно некорректной игры А. А. Абазы на бирже – совершенно правильно.

Поэтому, в одном из последующих докладов, после представления членов Государственного Совета в Аничковом дворце Императору Николаю II, я рассказал вкратце Государю все дело, рассказал, почему в царствование его отца А. А. Абаза потерял доверие покойного Императора и переехал за границу. И так как в то время был жив еще Н. Х. Бун-

ге, то я и просил Императора, если у него явится какое-нибудь сомнение, чтобы он спросил Н. Х. Бунге, и чтобы тот рассказал ему всю историю.

По этому предмету в кредитной канцелярии министерства финансов имеются все документы, в том числе и записка, составленная обо всей этой истории вице-директором кредитной канцелярии – Петровым.

После приема Государственного Совета Государь Император в последующие дни принимал всех генерал-адъютантов, флигель-адъютантов, затем принимал различные депутации иностранных держав, который приезжали в Петербург на похороны Императора Александра III или по случаю кончины Императора. В числе лиц, приезжавших на похороны Императора Александра III, был, между прочим, генерал Буадефр и адмирал Жерве. Генерал Буадефр это тот самый, который первый заключил с генералом Обручевым военную конвенцию, установившую наш союз с Францией.

13 декабря довольно неожиданно последовало назначение графа Шувалова Варшавским генерал-губернатором на место ген. Гурко.

Весьма характеристичен был уход генерала Гурко. В то время в его канцелярии служил старший его сын – будущий товарищ министра внутренних дел. И вот генерал-адъютант Гурко пожелал, чтобы его сына сделали управляющим его канцелярией. Но так как этот сын Гурко уже и в то время

пользовался в денежном отношении дурной репутацией, то бывший тогда министром внутренних дел Иван Николаевич Дурново не соглашался на это. Гурко приехал в Петербург, явился к молодому Императору и поставил ему род ультиматума, – сделав это в твердой и довольно резкой форме, – заключающегося в том, чтобы его сын был назначен управляющим канцелярией, или же он уходит. Государь согласился на последнее, таким образом этот несомненно выдающийся военный и государственный человек ушел со сцены и поселился у себя в Тверской губ. Впоследствии, кажется, он был сделан фельдмаршалом, но никакой уже роли не играл.

Это произошло 13 декабря 1894 года, т. е. через два месяца после вступления на престол Императора Николая II.

Согласие Государя на увольнение Гурко произошло с одной стороны от того, что Гурко поставил очень резко вопрос, а, с другой стороны, потому что Его Величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолюбливал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, т. е. лиц, твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях. Увольнение Гурко – это был первый случай проявления этой стороны характера Его Величества.

Хотя я несколько не оправдываю Гурко и считаю, что, конечно, все лица, которые так резко ставили вопрос, или так твердо проводили свои мнения, как это сделал Гурко, несколько и виновны в том, что не приняли во внимание на-

туру Государя и не имели в виду того, что они все-таки имеют дело с Его Величеством, – в этом отношении я виню во многом и самого себя – но оправданием, как Гурко, так и другим лицам (в том числе и мне), которые так себя держали по отношению к Государю, может служить то обстоятельство, что ранее, чем служить Императору Николаю, мы служили Императору Александру III. Покойный Император на способ выражения мыслей, на резкие слова никогда не обращал внимания, наоборот, он даже очень ценил в человеке твердые убеждения; словом, характер Императора Александра III был совершенно иной, нежели характер Императора Николая II, и это всякий Его подданный, в том числе и мы, должны были иметь в виду и принимать во внимание.

Приблизительно в это же время, а именно 17 декабря, последовало увольнение министра путей сообщения Кривошеина и назначение вместо него князя Хилкова. Назначению Кривошеина, главным образом, содействовал министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново. Кривошеин был умный, деловой человек, но железнодорожного дела не знал. Сделался он министром путей сообщения отчасти также благодаря мне, потому что, если бы я, когда Император обратился ко мне с вопросом (при назначении меня на пост министра финансов) о том, кого назначить вместо меня министром путей сообщения, – высказался бы относительно Кривошеина в более отрицательном смысле, то конечно он ме-

ста министра путей сообщения не получил бы. Но, как это обыкновенно бывает и что я сам столько раз испытал в своей жизни, в своей деятельности, — конечно, за некоторыми исключениями, — те лица, которые достигли своего положения, часто весьма высокого, благодаря моей школе, моему их воспитанию, моему выбору, достигнув этого положения, стараются не давать повода кому бы то ни было узнать, что они достигли своего положения благодаря мне, а потому постепенно прерывают со мной отношения, а затем, когда наступает момент, что это им является выгодным, они даже делаются моими неприятелями и врагами, желая своими неблагоприятными выходками против меня показать свою независимость. То же самое произошло и с Кривошеиным. Когда он сделался министром путей сообщения, то он старался, по возможности, от меня отгородиться. Но так как сам по себе Кривошеин железнодорожного дела не знал и с государственной точки зрения не представлял из себя никакого авторитета, то все-таки он, или, вернее, его министерство в значительной степени находилось под моим влиянием, или под влиянием моего министерства, т. е. министерства финансов.

Кривошеин, собственно говоря, министерством не занимался, а занимались министерством путей сообщения больше его сотрудники, знавшие железнодорожное дело и вообще дело путей сообщения. Он имел ту же слабость, как и многие другие министры, которых мне пришлось видеть на своем веку, а именно, как только Кривошеин сделался мини-

стром, сейчас же начал разводить различные грандеры, т. е. расходовать казенные деньги на устройство роскоши в своем помещении. Напр., помещение министра путей сообщения и без того почти царское, но тем не менее Кривошеин не удовольствовался им и из соседней квартиры (В этой квартире был очень большой кабинет его товарища; помещение это также пошло под церковь.), которая принадлежала его товарищу, устроил себе домашнюю церковь, держал там священников, вообще всю службу, – все это, конечно, за счет казны.

Я должен сказать, что, – как мне это говорил бывший тогда государственным контролером Тертый Иванович Филиппов, – он не вполне был корректен в государственной деятельности. Признаюсь, я этого не проверял, а поэтому утверждать этого не могу. Но государственный контролер Тертый Иванович Филиппов уверял, что будто бы из имений Кривошеина ставились на железные дороги шпалы, по особо благоприятным ценам; что будто бы Кривошеин провел сооружение одной маленькой железной дороги через комитет министров на юге России, а затем направил ее так, что она прорезала все имение его. Кажется этот последний факт – верен.

Вообще Кривошеин не имел никакого состояния, но еще ранее, нежели он сделался министром, он нажил большое состояние, так как он был делец большой руки, постоянно продавал имения, покупал имения, продавал всякие продукты, и проч. – словом, это был именно тип дельца.

Вот этот характер своей деятельности он обнаружил, бу-

дучи министром путей сообщения.

Тертий Иванович Филиппов, между прочим, вероятно не был в хороших отношениях с Кривошеиным, представил по этому предмету обо всем доклад Императору Николаю II. Конечно, доклад этот рисовал министра путей сообщения Кривошеина в очень скверном виде. Но я полагаю, что, если в представленном докладе Т. И. Филиппов увеличил в десять раз факты, по сравнению с действительностью, следовательно, если бы эти факты уменьшить в 10 раз, то и тогда я не могу не сказать, что и этого было бы все-таки достаточно, чтобы признать Кривошеина таким человеком, который не может занимать пост министра, потому что он действовал некорректно в смысле корыстном.

Это был первый случай, когда молодому Императору, через два месяца после вступления на престол, пришлось встретиться с фактами, так сказать, злоупотребления министров; поэтому совершенно естественно, что это возмутило молодого Государя, который сам, по своей натуре, человек весьма честный. В то время он был еще совсем молодым, не имел случая еще видеть и свыкнуться с людской грязью, а поэтому факт этот особенно на него подействовал и он уволил Кривошеина совсем от службы.

Это был первый случай, в начале царствования Императора Николая II, который, вероятно, заставил многих лиц, такого же пошиба, как и Кривошеин, призадуматься.

По увольнении Кривошеина явился вопрос: кого же вме-

сто него назначить министром путей сообщения?

Вся эта история с увольнением Кривошеина для меня была совершенно неожиданна, я не принимал в ней решительно никакого участия и узнал об этом из «Правительственного Вестника». Но, когда Кривошеин был уволен, то при первом же моем докладе в пятницу Императору Николаю (доклад этот был в Гатчинском дворце), когда я пришел к нему в кабинет, Государь сказал: «Я прошу вас выслушать этот указ», и прочел мне указ о назначении министром путей сообщения отставного лейтенанта Кази. Я этому весьма удивился, ибо Кази также никогда на железных дорогах не служил.

Кази всю свою жизнь занимался или морскими вопросами, или вопросами, близкими к морским; по уму и по характеру, он был человек выдающийся, человек больших способностей, но греческого происхождения и был в значительной доле наполнен стремлением к интригам, – это была его слабая сторона. Кази был врагом режима, который существовал в морском министерстве, в этом отношении он был совершенно прав и я ему вполне сочувствовал. Поэтому я и взял Кази, когда уезжал в мое путешествие на Мурман, и в моем докладе, который я сделал о Мурмане, – в известной мере участвовал и Кази.

Очень протезировал Кази Великий Князь Александр Михайлович. Протезировал он Кази во-первых, потому, что Ка-

зи был действительно очень выдающейся человек, а во-вторых, потому что Александр Михайлович, со времени вступления на престол Императора Николая II, конечно, мечтал сделаться впоследствии генерал-адмиралом, т. е. занять место Алексея Александровича. Алексей Александрович относился к Александру Михайловичу довольно презрительно.

Так как Александр Михайлович представляет из себя человека, главной чертой характера которого является интрига, можно сказать, что он полон интриг, то он и поддерживал Кази, как орудие против режима морского министерства, т. е. против Великого Князя Алексея Александровича, вообще, против всего морского ведомства.

Но, как я уже говорил ранее, у Императора Николая II не хватило характера перевернуть направление дел в морском министерстве, – хотя бы пожертвовать для этого Великим Князем Алексеем Александровичем; впрочем, может быть все это вышло к лучшему, потому что, если бы Император назначил Великого Князя Александра Михайловича вместо Вел. Князя Алексея Александровича – то это было бы несомненно гораздо хуже, потому что Алексей Александрович был во всяком случае – честный, благородный и прямой человек, чего я не могу сказать о Великом Князе Александре Михайловиче. Несомненно Вел. Кн. Александр Михайлович обратил бы все морское министерство в рассадник всевозможных интриг. Но тем не менее Государь, по-видимому, хотел отличить такого человека, как Кази, поэтому он, вероят-

но, не без влияния Великого Князя Александра Михайловича, пожелал его назначить министром путей сообщения.

Я сказал Государю, что Его Величество знает, какого я высокого мнения о Кази, что я отношусь к Кази весьма сочувственно и нахожусь с ним в высшей степени дружеских отношениях, но все-таки считаю совершенно невозможным назначить Кази министром путей сообщения, потому что он этого дела совершенно не знает, и что только что был пример, в лице Кривошеина, который совершенно расстроил после меня министерство. Я сказал Государю, что Кази надо беречь для какого-нибудь другого дела, касающегося его специальности; что я убежден – он этим делом заниматься не будет и не может им заниматься, что он, в качестве министра путей сообщения, будет заниматься делами, до него не касающимися, и преимущественно морским делом; если назначить Кази министром, то уже прямо назначить его морским министром, тогда, по крайней мере, он будет заниматься тем делом, которое он знает, что же касается железнодорожного дела, то его он совсем не знает – и поэтому я очень советовал Государю не делать этого назначения.

Хотя, по-видимому, сопротивление мое не понравилось Императору, по он все-таки спросил меня: «кого же назначить вместо Кази?» – Я посоветовал назначить моего товарища Анатолия Павловича Иващенко.

А. П. Иващенко, когда я приезжал в Петербург и сделался директором департамента, служил в государственном

контроле и был там правою рукою государственного контролера Сольского. Затем, когда я был назначен министром путей сообщения, то я взял Иващенко к себе, руководствуясь той репутацией, которую он имел; он был известен, как человек порядочный. Зная, что в министерстве путей сообщения делается очень много злоупотреблений в области водяных сообщений и шоссе, я сделал А. П. Иващенко своим товарищем.

Когда я был назначен на пост министра финансов, то я взял Иващенко к себе и как товарища министра финансов.

Это был в высокой степени почтенный человек, но не особенно большого таланта и ума. Это был скромный чиновник, но он обладал громадною уравновешенностью, громадною способностью работать, весьма толковый, словом это был тип выдающегося, хорошего бюрократа.

Государь сказал мне, что он об Иващенкове подумает. В следующий мой доклад Его Величество сказал мне, что он думал относительно Иващенко, но что он считает невозможным его назначить. Государь прямо сказал мне, что главная причина этого заключается в том, что он мой товарищ и что, когда он сделается министром путей сообщения, то все будут говорить, что все, что делает Иващенко, он делает под моим влиянием. Государь сказал, что вообще ему Иващенко не нравится, что вообще ему его не хочется назначать — и поэтому склонялся опять назначить министром путей сообщения Кази.

Я очень отговаривал Его Величество от этого. Когда же он поставил мне вопрос: «Кого же полагаете в таком случае назначить?» – у меня вдруг блеснула мысль о князе Хилкове и я сказал: «Князя Хилкова».

Государь говорит: «Я его совсем не знаю».

Тогда я сказал Его Величеству:

– Ваше Величество, спросите Вашу матушку, и я убежден в том, что если вы скажете вашей матушке, что вот я рекомендую Хилкова, то ваша матушка в особенности меня поддержит.

А между прочим, мне Государь говорил, что именно его матушка почему-то не сочувствовала моему предложению назначить Иващенко; значит Государь уже советовался с Императрицей-матерью, а поэтому, мне тогда же пришло в голову указать такое лицо, к которому наверно Императрица отнесется крайне благосклонно.

Государь говорит: «Я спрошу мою матушку».

Я ушел к себе домой в министерство. Это было около половины первого, а уже в три часа ко мне приехал князь Хилков, который сказал мне, что его видел Государь и неожиданно предложил ему сейчас же занять пост министра путей сообщения, что для него, Хилкова, это совершенно неожиданно и что он говорил Государю, что он боится занять этот пост, не зная, как я буду к этому относиться, потому что я, как министр финансов, могу иметь большое влияние на ми-

нистерство путей сообщения и кроме того, так как я ранее был министром путей сообщения, то пользовался большим авторитетом и по всем вопросам, касающимся железных дорог.

На это Государь сказал Хилкову:

– Да мне Сергей Юльевич вас первый рекомендовал; поезжайте к нему и с ним уговоритесь.

Поэтому Хилков и приехал ко мне. Он был очень смущен, так как это являлось для него совершенной неожиданностью. Он спросил меня: «может ли он рассчитывать, что я буду ему оказывать всякое содействие». Я успокоил его в этом отношении.

Хилков, конечно, принял пост министра путей сообщения. На этом посту он оставался до 17-го октября 1905 г. Когда же я сделался Председателем Совета Министров, то я просил его оставить это место, о чем я буду говорить впоследствии.

Теперь я хочу рассказать, почему я рекомендовал Хилкова. В царствование Императора Николая I мать Хилкова была очень близка к Императрице Александре Феодоровне.

Сам Хилков был гвардейским офицером Семеновского полка, у него было имение в Тверской губ. В 60-х годах, когда явилось большое либеральное течение по освобождению крестьян, он роздал большую часть своих земель крестьянам и, будучи крайне либеральных воззрений, ухал в Америку,

почти без всяких средств.

В Америке он начал служить. Тогда только что стало сильно развиваться везде железнодорожное дело. Сначала Хилков поступил на железную дорогу простым рабочим, затем сделался помощником машиниста, потом занял место машиниста на американской дороге.

Когда у нас началось усиленное строительство железных дорог – Хилков переехал в Россию.

В то время я окончил курс в университете, и, когда сам поступил на железную дорогу, то встретился в первый раз с Хилковым. Тогда я занимал место помощника начальника движения Одесской железной дороги, а он был начальником паровозного депо (Хилков был старшим машинистом, т. е. начальником машинистов данного района. Депо – это известное отделение, в районе которого двигаются данные паровозы.) в Конотопе на Курско-Киевской жел. дор.

Затем я часто встречал Хилкова, и когда Чихачев сделался директором Русского Общества пароходства и торговли и Одесской железной дороги, а я был его помощником, то я рекомендовал Хилкова Чихачеву. Но Хилков тогда не перешел на Одесскую железную дорогу; сначала он хотел перейти, но потом отказался и переехал в Москву. В Москве он был начальником тракции на Московско-Рязанской жел. дор. Когда же у нас началась Восточная война, то Хилков переехал в Болгарию. Во время войны он там служил на военной железной дороге и даже, кажется, временно был в Болга-

рии министром путей сообщения. После, когда начался Хивинский поход в Среднюю Азию и Анненков начал строить Средне-Азиатскую железную дорогу, то Хилков пошел в помощники к генералу Анненкову. Все это время я встречался с Хилковым.

Когда же я сделался министром путей сообщения, то я предложил Хилкову место управляющего Орлово-Грязинской жел. дор., каковой пост он и занял.

Когда же я сделался министром финансов, а на мое место был назначен Кривошеин, то он сделал Хилкова старшим инспектором жел. дор.

С этого поста Хилков был прямо назначен министром путей сообщения.

Когда Хилков был начальником тракции Московско-Рязанской жел. дор., то председателем правления этой дороги был Дервиз.

Жена его м-м Дервиз, вторым браком – г-жа Дукмасова. Это та самая г-жа Дукмасова, которая в прошлом году обвинялась в том, что она будто бы отравила своего мужа.

Дервиз, будучи председателем правления, получал большое содержание; во время войны им был устроен на свой счет санитарный поезд. Поезд этот приняла под свое покровительство Цесаревна Мария Феодоровна, будущая Императрица Мария Феодоровна. Хилков был главным уполномоченным на этом поезде.

Поэтому Цесаревна Мария Феодоровна часто встречалась

с Хилковым, всегда ездила с этим поездом или, по крайней мере, наблюдала за этим поездом, когда, во время войны, поезд этот перевозил раненых с Балканского полуострова в Петербург.

Хилков чрезвычайно понравился Цесаревне и когда уже кончилась война, Хилков, бывая в Петербурге, с разрешения будущей Императрицы Марии Феодоровны, являлся к ней. Потом, когда Мария Феодоровна сделалась вдовствующей Императрицей, Хилков также продолжал иногда приходить к ней. Вообще Мария Феодоровна относилась к Хилкову с крайней симпатий.

И, действительно, как личность, Хилков был совершенно исключительным человеком: с одной стороны, он был человек высшего общества, а с другой стороны – он прошел такую удивительную карьеру. Поэтому совершенно естественно, что когда Государь сказал Императрице, что теперь Витте рекомендует Хилкова, то насколько Мария Феодоровна отрицательно отнеслась к моей первой рекомендации, настолько же она обеими руками ухватилась за мою вторую рекомендацию. Она так настаивала на моем выборе, что я сказал Государю о Хилкове в 12½ часов, а в 3 часа Хилков, почти что назначенный министром путей сообщения, уже был у меня.

Относительно Хилкова я должен сказать, что он прекрасно знал железнодорожное дело, знал все, что касается паровозов и тяги, он был опытный железнодорожник, вооб-

ще был человек чрезвычайно воспитанный, человек высшего общества и по существу, был хороший человек, но он имел маленький недостаток – это слабость к женщинам. Вследствие этой слабости в его карьере были черные точки.

Конечно, Хилков не был государственным человеком и всю свою жизнь он оставался скорее обер-машинистом, нежели министром путей сообщения.

Я, конечно, этого не знал, так как это совершенно ясно обнаружилось только тогда, когда он сделался министром путей сообщения, но все же я имел такое предчувствие, мне казалось, что Хилков не государственный человек, поэтому я и рекомендовал его уже, так сказать, в крайности, понимая, что, как государственный человек, он будет очень слаб, что и оказалось в действительности.

Через несколько месяцев после вступления Императора Николая II на престол, умер министр иностранных дел Гирс и явился вопрос о назначении нового министра.

Временно управление министерством было поручено товарищу Гирса – Шишкину, очень почтенному и прекрасному человеку, но человеку более нежели недалекому и по наружности весьма не представительному. Он из себя представлял такую личность, что ни у кого не могло явиться сомнения в том, что он будет управлять министерством самое короткое время. И, действительно, в самом непродолжительном времени, через несколько недель, министром иностран-

ных дел был назначен князь Лобанов-Ростовский, наш посол в Вене. Это было одно из таких назначений, которое очень многих удивило; оно показало, что Император Николай был совсем не в курсе дела, совсем не знал личного состава государственных деятелей, находящихся на различных высших местах гражданского и военного управления, в противном случае Император конечно бы не назначил князя Лобанова-Ростовского, не потому чтобы Лобанов-Ростовский был хорошим или дурным министром, а только в виду той оценки, которую ему дал Император Александр III (У Императора Александра III было такое свойство: он часто не стеснялся в своих выражениях и резолюциях. Так, на донесении князя Лобанова-Ростовского Император написал в высшей степени резкую резолюцию о личности князя Лобанова-Ростовского; сущность резолюции заключалась в том, что он, мол, Лобанов-Ростовский – человек совершенно легкомысленный; это, в сущности, была правда, но Император написал резолюцию в очень резкой форме. – Когда впоследствии (о чем я буду говорить сейчас) князь Лобанов-Ростовский сделался при Императоре Николае II министром иностранных дел – министерство иностранных дел совершенно не знало как поступить с этой резолюцией Императора Александра III. Я помню, что мне говорил гриф Ламсдорф. – который был скромным сотрудником министерства иностранных дел, но вследствие своих личных качеств был всегда очень близок к министру иностранных дел Гирсу, – что то-

гда явилось решение: или же уничтожить эту бумагу, чтобы она как-нибудь случайно не попала на глаза князю Лобанову-Ростовскому, или же ее как-нибудь так спрятать в архив, чтобы она на могла ни к кому попасть в ближайшее время. Как они решили – я этого не знаю.).

В то время Император Николай преклонялся перед памятью своего отца и старался буквально исполнять все его заветы, руководствоваться всеми его мнениями. И так как Император Николай II не был посвящен во все дела, а потому в большинстве случаев не мог знать ни мнений своего покойного отца, ни его оценки различных лиц и различных обстоятельств, то единственным источником в этом отношении ему служила его матушка.

Князь Лобанов-Ростовский был человек видный, во всяком случае это была личность, хотя выбор его в министры иностранных дел, по моему мнению, был неудачен, так как едва ли он мог быть серьезным министром иностранных дел.

Еще в моей юности я слышал о Лобанове-Ростовском; когда я был еще совсем мальчиком – он был уже молодым человеком, послом в Константинополе. Я помню, что кто-то из моего семейства ездил в Константинополь и потом, возвратясь оттуда, рассказывал, что в Константинополе он был в церкви посольства и, присутствуя на церковном служении, был очень удивлен тем, что в церковь пришел наш посол, одетый чуть ли не в халат. Я помню, что я слышал об этом несколько раз и каждый раз он рассказывал об этом с

большим возмущением. Затем говорили, что вообще Лобанов-Ростовский в Константинополь крайне афишируется с различными дамами не совсем серьезного поведения.

Когда князь Лобанов-Ростовский сделался министром иностранных дел, мне пришлось с ним очень близко встречаться на деловой почве. Я буду иметь случай рассказывать впоследствии многие из эпизодов этих различных встреч, теперь же скажу только, что общее мое заключение о нем таково: Лобанов-Ростовский был человек весьма образованный, очень светский; он отлично владел языками, очень хорошо владел пером, знал превосходно внешнюю сторону дипломатической жизни; был очень склонен к некоторым серьезным занятиям, – так, напр., к различным историческим исследованиям, которые, в сущности, касались различных родословных; на этом поприще он даже приобрел себе некоторый авторитет и составил несколько книг; он был очень остроумный собеседник.

Мне не случалось бывать с князем Лобановым-Ростовским в женском обществе, но я полагаю, что он имел большой успех у женщин, так как он был человек весьма остроумный и тонко воспитанный.

Но, с другой стороны, надо сказать, что Лобанов-Ростовский в течение всей своей жизни не занимался серьезным делом; он не имел привычки посвящать делу много времени. Вообще ум его был более блестящий – нежели серьезный.

Несмотря на его уже большие лета, – когда он сделался

министром, ему было значительно за 60 лет, – он остался тем же, сохранив в себе основу своей натуры, т. е. крайнее легкомыслие. Подобное свойство натуры могло являться симпатичным в общественной жизни, но не могло принести сколько бы то ни было благоприятных плодов в деятельности государственной.

Каким же образом князь Лобанов-Ростовский был назначен министром иностранных дел?

Его рекомендовал на это место Великий Князь Михаил Николаевич, председатель государственного совета, который в первое время царствования Императора Николая влиял на Императора в некоторых отношениях, так как по летам он был старшим в Царском роде, был человек очень почтенный, хотя весьма ограниченный.

На Великого же Князя Михаила Николаевича повлиял государственный секретарь Александр Александрович Половцев, который в силу своих обязанностей находился в постоянных отношениях к Великому Князю. А. А. Половцев был очень дружен с Лобановым-Ростовским; подружился он с ним во время своих многократных и продолжительных поездок за границу.

У кн. Лобанова-Ростовского и у А. А. Половцева были в некотором отношении одинаковые характеры; так, оба они были люди культурные, образованные, светские; оба имели склонность к различным историческим исследованиям и, до известной степени, стремились привязать свои имена к

фаланге русских историографов; оба были жуиры и любили пользоваться жизнью. Александр Александрович Половцев, как человек богатый, ездя за границу, мог пускать пыль в глаза, благодаря своему состоянию, а кн. Лобанов-Ростовский – благодаря своему положению, как чрезвычайный посол русского Императора.

Разница между ними, главным образом, была та, что кн. Лобанов-Ростовский был гораздо более баринном, нежели А. А. Половцев, который по натуре своей был очень похож на барина. А. А. Половцев дорожил заграничною дружбою Лобанова-Ростовского, как чрезвычайного посла и русского князя, человека в высокой степени великосветского, а Лобанов-Ростовский до известной степени дорожил дружбою А. А. Половцева, как человека чрезвычайно богатого.

Вот А. А. Половцев и убедил Великого Князя Михаила Николаевича, что наиболее подходящим лицом для назначения на пост министра иностранных дел является кн. Лобанов-Ростовский.

Собственно по дипломатической карьере, действительно, Лобанов-Ростовский был один из самых старых наших послов и с внешней стороны – он был человек блестящий.

Итак, Михаил Николаевич рекомендовал Лобанова-Ростовского Императору, а Государь, совсем не зная его и не зная, как к нему относился Император Александр III, назначил Лобанова-Ростовского, причем Лобанов-Ростовский не был сразу назначен министром иностранных дел, что его

очень обидело. Когда Лобанов-Ростовский приехал в Петербург, где я видел его первый раз, то он мне даже высказал это; он сказал, что удивляется, как это его, с его положением, – он был действительный тайный советник, и долгое время был послом, – назначили управляющим министерством, а не министром. – Но в самом коротком времени, через несколько недель, – был издан указ о назначении Лобанова-Ростовского не управляющим, а министром, что, опять таки, было сделано при посредстве А. А. Половцева.

Как я уже говорил, князь Лобанов-Ростовский всю карьеру свою делал на дипломатическом поприще, но одно время он служил в министерстве внутренних дел и даже короткое время был товарищем министра внутренних дел, – не помню при ком: при Валуеве или при Тимашеве.

По поводу этого мне вспомнилось следующее: как то раз, будучи еще молодым человеком (я тогда служил на Одесской жел. дор.) я приехал в Петербург и был у моего дяди генерала Фадеева, который жил в гостинице «Франция» на Малой Морской улице. У моего дяди вечером собрались его приятели, были: Черняев, граф Воронцов-Дашков (будущий министр Двора и теперешний наместник на Кавказе), князь Лобанов-Ростовский, брат будущего министра иностранных дел. – Этот Лобанов-Ростовский постоянно жил за границей и, весьма редко приезжая в Россию, оставался здесь очень непродолжительное время.

Вот этого то Лобанова-Ростовского кто-то при мне спро-

сил, долго ли он останется в России? Он ответил, что недолго, что он, как можно скорее, хочет уехать за границу. Тогда ему сказали:

«Что ж это вы так спешите ухать за границу? Прежде, когда вы приезжали, вы оставались довольно долго в России». Лобанов-Ростовский на это говорит:

– Как же я могу остаться в России, когда она дошла до такого положения, что даже мой брат может быть товарищем министра внутренних дел?

Князь Лобанов-Ростовский, конечно, понравился Государю и Государыне; да он и не мог не понравиться, потому что он был человек весьма приличный, образованный, в светском смысле, в высшей степени тонко, так что и юмор его был в высшей степени тонкий.

2 Апреля 1895 г. товарищем министра внутренних дел по рекомендации Победоносцева был назначен Горемыкин, который до этого назначения занимал пост товарища министра юстиции.

Горемыкин был назначен товарищем министра внутренних дел не по выбору Ивана Николаевича Дурново, так как Иван Николаевич представил других кандидатов и между прочим князя Кантакузена графа Сперанского. Но в то время Государь уже начал относиться недоверчиво к министру внутренних дел Дурново. Что послужило причиной этому, я

в точности не знаю, но Иван Николаевич Дурново говорил мне тогда, что он приписывает некоторое недоверие Государя Императора влиянию его Августейшей матушки; что Августейшая матушка недовольна им, потому что, будто бы им, Дурново, перлюстрируются письма, ею получаемые, в чем она и уверяет Императора.

Иван Николаевич Дурново говорил мне, что он перлюстрацией писем не занимается, хотя утверждение это было неверно, как в отношении его, так и в отношении всех последующих министров внутренних дел. Недавно погибший министр внутренних дел Столыпин точно также негодовал, возмущался делаемыми предположениями, что в министерстве внутренних дел им перлюстрируются частные письма. Между тем, я знаю совершенно достоверно, что письма эти перлюстрировались и что Столыпин посвящал очень много времени чтению чужих писем.

Это приносило вред и мне, ибо, когда я был Председателем Совета Министров, то и мне одно время давали все эти письма, и я знаю по себе, как эти письма влияют на нервы и возбуждают различные чувства.

После отставки И. Н. Дурново Император Николай II не назначил министром внутренних дел Сипягина, как это было в мыслях его отца Императора Александра III, а назначил Горемыкина. Это случилось следующим образом:

Когда уходил Иван Николаевич Дурново, то явился вопрос, кого назначить вместо него, и Государь Император как

то раз, когда я пришел к нему, спросил об этом мое мнение:

– Как вы думаете, кого бы вы мне посоветовали назначить министром внутренних дел? Тогда я в свою очередь спросил у Государя, кого он имеет в виду – потому что мне самому не хотелось бы указывать лиц, а я бы мог дать только характеристику того или другого лица, которое будет указано Государем.

Государь мне на это ответил, что ему рекомендуют двух лиц: Плеве и Сипягина. Кто ему их рекомендует, Государь не говорил, но я, конечно, догадался.

Что касается Плеве, то его рекомендовал Государю Николаю II И. Н. Дурново так же, как он его рекомендовал Императору Александру III; а что касается Сипягина, то относительно его, вероятно, Императору Николаю II было известно, что это был кандидат в министры его отца.

Относительно Плеве и Сипягина я сказал Государю следующее, что Плеве и Сипягина я обоих хорошо знаю. Плеве делал свою карьеру, как юрист, он дослужился до прокурора судебной палаты; затем при Лорис-Меликове из прокурора судебной палаты он был назначен директором департамента полиции; из директора департамента полиции он был назначен товарищем министра внутренних дел и, наконец, государственным секретарем. Я сказал, что человек он несомненно очень умный, очень опытный, хороший юрист, вообще человек очень деловой, в состоянии много работать и очень способный, но насколько на него можно положиться

в том смысле – каковы его убеждения, есть ли это в данный момент его убеждения, искренни ли они, глубоки ли, а не просто ли карьерные – об этом всегда судить очень трудно.

Когда Плеве был прокурором судебной палаты, он был до-вольно либеральных идей, вследствие этого граф Лорис-Меликов, когда он был начальником верховного управления, а потом министром внутренних дел (его тогда называли диктатором сердца Императора Александра II) – взял Плеве директором департамента полиции. В то время Плеве поклонялся политике Лорис-Меликова, сочувствовал его более или менее конституционным идеям.

Затем Лорис-Меликова сменил граф Игнатъев. Плеве был правою рукою графа Игнатъева и поклонялся графу Игнатъеву, хотя, как известно, мнения графа Игнатъева совершенно не сходились с мнениями Лорис-Меликова.

Лорис-Меликов был конституционалистом в западном смысле, а граф Игнатъев был практически славянофил, видевший спасение в земском совещательном соборе.

Затем граф Игнатъев был сменен министром внутренних дел Толстым. Толстой, в качестве министра внутренних дел, явился представителем в полном смысле слова самодержавной бюрократии и Плеве стал самым большим поклонником и сторонником его системы; проводил его мысли и чуть ли не клялся над его, Толстого, формулой, как на текст Евангелия.

Затем я сказал Его Величеству:

– А каковы в действительности мнения и убеждения Пле-

ве, об этом, я думаю, никто не знает, да полагаю, что и сам Плеве этого не знает. Он будет держаться тех мнений, которые он считает в данный момент для него лично выгодными и выгодными для того времени, когда он находится у власти.

* Я не сказал Государю, что Плеве ренегат из-за карьеры, а я думаю, что не может быть честного человека, меняющего свою религию из житейских выгод. Я также не сказал Государю, что Плеве по натуре хам и сделался ярым адвокатом всех дворянских эгоистических тенденций не по убеждениям и не по традициям (его отец еще не был дворянином, а чуть ли не органистом у какого то польского помещика), а потому, что посредством дворянской клики у престола он делал и сделал свою карьеру. Как ренегат и не русский, он, конечно, дабы показать, какой он «истиннорусский и православный» готов был на всякие стеснительные меры по отношению ко всем подданным Его Величества не православным. Вот почему Победоносцев его презирал, так как сам Победоносцев это делал по убеждению. Все люди грешны и забавляются «благородным занятием», как выражаются итальянцы, но мало уважают тех особ, с которыми они забавляются. *

Что же касается Сипягина, то я сказал, что Сипягин гораздо менее образован, гораздо менее способный, нежели Плеве. Хотя он кончил курс в университете на юридическом фа-

культете, но имеет довольно слабые юридические знания и даже довольно слабые вообще научные знания. Будучи предводителем дворянства, а затем вице-губернатором и губернатором, он довольно хорошо знает административную губернскую часть. Вообще это человек с здравым смыслом, но что касается знаний, таланта, опыта, то он гораздо ниже Плеве. Но зато Сипягин – это человек убеждений; убеждения его очень узкие, чисто дворянские, он придерживается принципа самодержавия, патриархального управления государством на местах; это его убеждения и убеждения твердые. Вообще Сипягин своих убеждений не меняет; человек он прекрасной души, по натуре весьма гуманный, твердый и представляет собою в истинном смысле слова образец русского благородного дворянина.

Сделав характеристику этих обоих лиц, я расстался с Его Величеством и через некоторое время уехал в Виши (Я имел неосторожность передать мой разговор с Его Величеством И. Н. Дурново, который, конечно, его передал Плеве, как я узнал впоследствии.).

Когда месяца через полтора, два я вернулся обратно из Виши – министр внутренних дел еще не был назначен, а Иван Николаевич Дурново, бывший министр внутренних дел, был назначен председателем комитета министров.

Вступив в управление министерством финансов, я сразу почувствовал крайнее неудобство отсутствия министра внутренних дел. Замещал министра внутренних дел времен-

но его товарищ Горемыкин, который ничего на себя брать не хотел, потому что каждый день мог быть назначен другой министр внутренних дел, вследствие чего Горемыкин вел одни текущие дела.

При первом же моем докладе Государю Императору я спросил, кого же Его Величество полагает назначить, причем указал на то, что я застал целый ряд бумаг и дел не решенных и недвигающихся вследствие отсутствия министра внутренних дел.

На это мне Император Николай II сказал:

– Я после нашего разговора, который я имел с вами о Плеве и Сипягине, спросил еще и мнение К. П. Победоносцева. Он, – говорит, – сказал мне свое мнение, но я так и не решился кого-либо назначить, все ожидал вашего приезда.

Тогда я спросил Государя:

– Какое же мнение Константина Петровича, если Ваше Величество соизволите мне это сказать?

– Да он очень просто мне сказал; когда я указал на этих кандидатов, то Константин Петрович сказал, что Плеве подлец, а Сипягин – дурак.

Поэтому Государь и считал, что как того, так и другого назначить нельзя.

Тогда я спросил Государя:

– Что же, Ваше Величество, сам он кого-нибудь рекомендовал? Государь улыбнулся и говорить:

– Да, он мне рекомендовал... между прочим, он и о вас говорил.

Очевидно, Государь не хотел передать то, что он сказал обо мне, но я сразу догадался и говорю:

– Ваше Величество, хотя я не знаю, что говорил Победоносцев, но почти уверен, что могу догадаться, что он про меня сказал. Государь спросил:

– А как вы думаете, что?

– Да, наверно, – говорю, – он сказал так: когда вы его спросили, кто же может быть министром внутренних дел, он ответил Вашему Величеству: есть один только человек, который может быть министром, это вот Витте, да и тот... и тут он сказал какое-нибудь слово, какое-нибудь бранное слово, что-нибудь вроде известной фразы Собакевича в «Мертвых душах»: «один там только и есть порядочный человек – прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». – Государь рассмеялся.

– Я, – говорит, – ему сказал, что если бы даже я решил Вас назначить, то это мне не облегчило бы мою задачу, потому что мне пришлось бы искать заместителя вам.

Затем Государь сказал мне, что, когда он спросил Победоносцева, кого же в конце концов он рекомендует назначить, Победоносцев ответил, что, по его мнению, надо назначить того, кто и теперь уже состоит товарищем министра внутренних дел, – т. е. Горемыкина.

А что Вы думаете по поводу назначения Горемыкина? –

спросил меня Государь.

Я ответил Государю, что Горемыкина я сравнительно очень мало знаю, ничего о нем определенного сказать не могу, но что вообще Горемыкин производит на меня впечатление человека порядочного, причем добавил, что, по всей вероятности, Константин Петрович, между прочим, рекомендует Горемыкина потому, что Горемыкин правоведа и Константин Петрович тоже правоведа, а известно, что правоведа также, как и лицеисты, держатся друг за друга, все равно, как евреи в своем кагале.

И если, – сказал я – у Вашего Величества никого больше не имеется в виду, то может быть вы решитесь назначить Горемыкина?

Государь ответил:

– Да, я назначу Горемыкина.

Когда я уходил от Государя из его кабинета, туда вошел Танеев, и когда я с ним ехал обратно из Царского в Петербург, Танеев мне сказал:

– Как я рад, что вы наконец вернулись из за границы. Государь все время не решался – кого назначить министром внутренних дел, а вот сегодня приказал представить мне ему указ о назначении на этот пост Горемыкина.

С вокзала я прямо поехал в министерство внутренних дел, к Горемыкину и сказал ему, что мне известно, что Его Величеству угодно было решить назначить его министром внутренних дел. Горемыкин этой вестью был очень доволен и на-

чал говорить со мною о следующем:

Со времени соединения министерства внутренних дел с 3-м отделением министр внутренних дел сделался по своей должности и шефом жандармов и таким образом министры внутренних дел, кроме полагающегося им довольствия, содержания, казенной квартиры, отопления и проч., стали получать и по смете жандармского управления 50 тыс. руб. в год на особые расходы. Под этими особыми расходами подразумевались расходы негласные, которые министр внутренних дел, как начальник полиции, иногда должен был производить и о которых трудно было кому либо давать отчеты, кроме, конечно, отчета Государю Императору.

Но постепенно эти 50 000 руб. министры внутренних дел просто начали тратить на свои личные нужды, а также на представительство, что, конечно, было некорректно.

Так вот Горемыкин, ни с того, ни с сего, сказал мне, что он рад получить самостоятельное место; рад, что состоялось определенное назначение, и что он теперь уже не временно управляющей министерством, не калиф на час. Первое, что он теперь сделает, это распорядиться, чтобы те 50 000 руб., которые получали министры внутренних дел, чтобы их ему не давали, а чтобы их сам департамент полиции тратил на секретные нужды.

Но это благое пожелание так и осталось «благим пожеланием». В конце концов, Горемыкин продолжал получать эти 50 000 руб. и тратить их на свои нужды, что делали всё его

преемники. Разница между ними и покойным председателем совета министров и министром внутренних дел Столыпиным состояла лишь в том, что они брали только эти 50 000, а когда министром внутренних дел сделался Столыпин, то уже дело не ограничивалось 50 000, а, насколько мне известно, со слов министра финансов и нынешнего председателя совета министров – Столыпин и его ближайший помощник по делам полиции Курлов тратили на свои нужды, или на свое представительство уже не 50 000, а сотни тысяч. Это было одним из последствий так называемого конституционного порядка, который водворял П. А. Столыпин.

Горемыкин, до назначения министром внутренних дел, был довольно либерального направления, но, как только он сделался министром внутренних дел, под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику

(I Вариант. * Горемыкин в течение своего управления министерством бездействовал и не знал, куда ему идти, направо или налево. Он взял себе в товарищи князя Алексея Дмитриевича Оболенского, человека очень не глупого, хорошо образованного, убедительно говорящего, честного, но крайне легкомысленного и впечатлительного.

Он и мне принес много бед своею неуравновешенностью. Когда он говорит, он говорит по убеждению и убедительно, но убеждения его меняются также часто, как чистоплотные люди меняют белье. Затем у него крайне беспокойный ха-

ракти, всегда он всюду во все партии суется, чтобы знать, что делается и давать «советы». Он пользовался большим почетом у молодых дам высшего общества – его так и звали «дамский оракул». Хотя, повторяю, он, в сущности, хороший, честный человек, но опасный советчик. Оболенский тащил Горемыкина налево, а другие его сотрудники – направо. Конечно, Горемыкин никому не угодил, а председатель комитета министров Дурново, который жил головою Плеве (тогда уже государственного секретаря, добивавшегося стать министром внутренних дел), конечно, страшно интриговал против Горемыкина. *).

В марте месяце 1896 г. был назначен дворцовым комендантом генерал Гессе.

Когда Император Александр III вступил на престол, то при нем, весьма недолгое время, начальником дворцовой охраны был его личный друг граф Воронцов-Дашков (нынешний Кавказский наместник), который затем в скором времени был сделан министром двора и оставался министром двора в течение всего царствования Императора Александра III.

Начальником конвоя в это время был генерал-адъютант Черевин.

Как граф Воронцов-Дашков, так и генерал-адъютант Черевин были люди с известным «я».

Молодой Император, так сказать, вырос на их глазах, так

как оба они были близки к Императору Александру III не только, когда он сделался Императором, но и еще тогда, когда он был наследником-цесаревичем.

Поэтому Черевин несколько стеснялся Императора Николая II, а в особенности Черевин не мог нравиться молодой Императрице, – особе весьма чистой и воспитанной на немецко-английский манер, – своею некоторою распущенностью и резкостью выражений. Происходило это оттого, что Черевин имел один недостаток: он весьма часто, можно сказать, почти ежедневно был не в вполне нормальном состоянии. Совершенно естественно, что все эти аллюры Черевина не могли, конечно, нравиться Императрице...

Вследствие этого, Черевин со времени вступления на престол Императора Николая II, хотя и оставался начальником охраны и лицом по положению близким к Императору Николаю, но никакой интимности между ним и новою Императорскою четой уже не было. Черевин не видал ежедневно, – как это было прежде, – Императора и Императрицу; прежде он постоянно был приглашаем к интимному столу, – обеду, завтраку, – это все теперь переменялось. Вообще, что касается личной жизни, то Черевин был очень отдален от двора.

Когда Государь переехал в Зимний Дворец, а он поселился с Зимнем Дворце после медовых месяцев, которые Государь провел со своею молодой женой в Царском, – то Черевин даже не получил помещения ни в Зимнем, ни в Аничковом дворцах, а жил на частной квартире.

Только отношения вдовствующей Императрицы к Черевину не переменились; она осталась в высокой степени к нему расположенной и весьма любила и уважала Черевина.

Приближенным Черевина был генерал Гессе.

Генерал Гессе раньше служил в Преображенском полку, потом состоял при Черевине еще в чине полковника (Гессе при Императоре Александре III я помню тоже в чине полковника).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.